

**РОСТОВСКИЙ МИТРОПОЛИТ ВАРЛААМ (ВАСИЛИЙ) РОГОВ
КАК ВЫДАЮЩИЙСЯ ДЕЯТЕЛЬ
РУССКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ XVI в.**

Н.П. Парфентьев

На фоне бурного развития авторского творчества в музыкальном искусстве России XVI в. рассматривается деятельность выдающегося мастера древнерусского распева Варлаама (в миру Василия) Рогова, занимавшего последние полтора десятилетия своей жизни (ум. в 1603 г.) высший церковный сан в Ростове Великом. С его именем связан начальный этап развития русского многоголосного («троестрочного») пения, его произведения получили признание современников.

Ключевые слова: древнерусское церковно-певческое искусство, авторское творчество, троестрочное пение, Варлаам (Василий) Рогов.

Варлаам (Василий) Рогов принадлежит к плеяде выдающихся мастеров древнерусского распева эпохи становления и развития авторского музыкального творчества, которое наряду с осознанием получило и признание в широких кругах современников. Основные сведения о мастере-распевщике дают письменные памятники повествовательного характера, его произведе-

дения в древних певческих рукописях, немногочисленные документы. Особую ценность представляет рассказ в знаменитом «Предисловии, откуда и от какого времени начаяся в нашей Рустей земли осмогласное пение», из которого следует, что московский распевщик Федор Крестьянин «сказывал своим ученикам, что в Велицем Нове граде были старья мастера Сава Рогов да брат его Василий, во иноцех Варлаам – родом кореляне. И последи того потом тот Варлаам был митрополит во граде Ростове. Вельми был муж благоговейн и мудр зело, пети был горазд, знаменному, и трестрочному, и демественному пению был роспевщик и творец» [23, л. 201 об.]¹.

Итак, начальный этап певческой деятельности Василия связан с Новгородом Великим, с училищем его брата Саввы, где будущий мастер постигал профессиональные тонкости искусства. Савва Рогов являлся одним из лучших дидасков-учителей России XVI в. В «Предисловии» перечисляются его ученики, которые сыграли выдающуюся роль в развитии древнерусской музыки и ее основных художественных направлений – школ. Здесь обучались сам Федор Крестьянин, многолетними трудами которого завершилось формирование школы «Московского пения» [напр., см.: 9; 10; 13; 14; 17; 31; 32; 34], Стефан Гольш – основатель знаменитого «Усольского мастеропения», или Строгановской школы [напр., см.: 6–8; 11; 12], и др. В творческом общении с ними формировалось и мастерство Василия Рогова как будущего распевщика.

Савва и Василий Роговы происходили из второго по величине города Новгородской земли – Корелы. В начале XVI в. здесь было 267 дворов и проживало в основном русское население – посадские и ратные люди, дети боярские, духовенство [28, с. 35]. Все они именовались «корелянами», поэтому распространенное в научной литературе утверждение о том, что братья были по национальности карелами, скорее всего, не верно. Точно сказать, когда они поселились в Новгороде и когда начал свою деятельность дидаскал Савва нельзя. Учитывая все данные о знаменитых учениках Саввы можно полагать, что они пребывали в его училище примерно в конце 30-х – первой половине 40-х гг. XVI в.

Постигнув тонкости певческого искусства у своего старшего брата, Василий вскоре становится монахом и принимает имя Варлаам. Когда и в какой обители он принял постриг, не известно. Вероятно, это произошло в Кирилло-Белозерском монастыре, в который мастер всегда возвращался, оказываясь на перепутье дел. В 1560 г. он стал игуменом этого одного из крупнейших на Руси монастырей. При нем царь Иван Грозный делает значительные вклады в монастырскую казну. Только 5 сентября им было пожаловано монастырю 3,5 тыс. руб. в память о царице Анастасии [5, с. 162]. Первое игуменство Варлаама продолжалось менее года.

¹ Памятник публиковался по другим спискам [20, с. 143–148; 27, с. 19–23]. О Варлааме Рогове также см.: 3; 20.

Вторично он возглавил Кирилло-Белозерский монастырь в 1563 г. Здесь, кроме прочего, Варлаам занимался книжным письмом. Известно, что книгу «Псалтирь» своего письма он дал вкладом в приписную Зосимо-Савватиевскую пустынь (1564). С наступлением в России опричного времени, в 1564 г. Варлаам покинул игуменство и «отошел на покой», проживая простым «клирошанином» («пети был горазд») то в Зосимовой пустыни, то в самом Кириллове монастыре [25, стб. 55].

В 1569 г. последовало поставление Варлаама игуменом Соловецкой обители [24, с. 54]. Жизнь монастыря осложняли военные действия в ходе Ливонской войны. В 1570-е гг. в связи с появлением у Соловецких островов шведских военных кораблей настоятель неоднократно обращался с посланиями к царю. В одном из них он писал, что «хотят приходить к Соловецкому монастырю войною и на все Поморье свицкие немцы и анбурцы». В ответной грамоте от 2 августа 1578 г. Иван Грозный сообщал, что выслал на помощь воеводу Михаила Озерова, четырех пушкарей, отряд стрельцов, различное оружие и 150 пудов «зелья» (пороху) и повелевал игумену совместными усилиями «сделать» около монастыря укрепленный острог и башни. Варлааму вместе с воеводой предстояло организовать оборону Соловецкой обители [1, с. 367].

Варлаам активно управлял монастырским хозяйством, заботясь о соляных и рыбных промыслах, о расширении земельных угодий. Он сам объезжал монастырские вотчины в Онеге, Кеми, Суме и т.д., собирая в казну «соляные» и прочие денежные доходы. Хозяйственная документация велась с особой тщательностью, проверялась им («Соловецкого монастыря игумен Варлаам руку приложил»). Из монастыря настоятель ездил также в Новгород, иногда – в Москву «к государю» [7, с. 35]. За годы его управления Соловецкая обитель стала пользоваться расположением верховной власти, утраченным при митрополите Филиппе (Колычеве). Не раз царь присылал грамоты «с милостынею» о молении в связи с ведением войны, делал значительные денежные вклады. Так, 26 мая 1579 г. накануне военного похода он писал Варлааму «с братьею», что «учинилась весть, что недруг наш литовской король, сложая с турским и с крымским, хочет нашу вотчину воевати и к городом приступати», поэтому государь просил игумена с братией молить Господа, чтобы он «милосердием своим... не предал бы нас и все православное христианство Росийского царства в расхищение и в плен... и нам и всему православному воинству здраво возвратится». К посланию прилагалось 20 руб. «милостины» [1, с. 368].

В обители с благословения Варлаама процветало книгописное искусство. Монастырская библиотека пополнилась многочисленными певческим сборниками [4]. В центре забот игумена был и хор, состоявший из 21 клирошанина. Интересно, что в 1578 г. в монастырскую казну Варлаам внес установленную сумму 20 алтын (0,6 руб.) на сорокоусты «по брате своем, по Саве», т.е. на чтение и пение молитв в течение 40 дней со дня смерти

дидаскала. В 1580 г. игумен участвовал в заседании церковного Собора, подписавшись под его решением «о неотъятии у монастырей их вотчин, о невложении новых». Но вскоре он оставил Соловецкую обитель. В июне 1581 г. старец Протасий получил 10 руб. и был «послан бывшего игумена Варлаама провожать до Кириллова монастыря» [7, с. 34–35].

Некоторое время Варлаам, очевидно, пребывает в Кирилло-Белозерском монастыре «на покое», затем он упоминается как игумен Зосимо-Савватиевской пустыни (1583) и архимандрит Владимиро-Рождественского монастыря (1583–1584), занимавшего в иерархии русских монастырей второе место после Троице-Сергиева и игравшего видную роль в церковной, культурной и политической жизни России. С 1584 г. по распоряжению царя Ивана Варлаам вновь управляет Кирилло-Белозерским монастырем [25, стб. 662]. Приступая к обязанностям игумена он передает в качестве вклада образ соловецких чудотворцев, серебряную чашу, книги (всего на 114,1 руб.). При нем в обители ведется большое строительство, расширяются промыслы и земельные владения. Участвуя в Соборе 1584 г. он снова подписал решение, сохраняющее монастырские земли [3, с. 344].

В 1587 г. Варлаам был поставлен в архиепископы Ростовские. В этом сане он выдвигался в качестве одного из трех претендентов на патриарший престол, участвовал в избрании первого патриарха всея Руси в Москве в 1589 г. В том же году он был возведен патриархом в сан митрополита Ростовского, Ярославского и Белозерского [26, с. 11]. Присутствовал Варлаам и на московском соборе 1598 г., избравшем на царство Бориса Годунова, и расписался на обороте Утвердительной грамоты [7, с. 35]. Будучи митрополитом, он не раз посылал вклады в Кирилло-Белозерский монастырь. В описи монастыря за 1601 г. упоминаются пожалованные им «образ Пречистые Богородицы с ростовскими чудотворцы», книги, одежда [3, с. 345]. Умер митрополит Варлаам 25 марта 1603 г., похоронен у южной стены ростовского Успенского собора [25, стб. 333].

В истории Варлаам известен, не только как видный церковный деятель, но и как распевщик, мастер церковно-певческого искусства. Его произведения, очевидно, первыми исполняли хоры возглавлявшихся им монастырей, а позже – ростовский архиерейский хор. Напомним, что в «Предисловии» отмечается, что он «пети был горазд, знаменному, и трестрочному, и демественному пению был распевщик и творец». Следовательно, мастер создавал свои произведения не только в обычном стиле *Знаменного распева*, но и торжественном стиле *Демества*, причем одноголосного и многоголосного – трехстрочного. Жизнь распевщика более всего была связана с Кирилло-Белозерским и Соловецким монастырями. Вполне возможно, что среди песнопений безымянных кирилловского и соловецкого распевов есть и его творения.

Будучи главой крупных российских монастырей, а затем одной из самых значительных епархий, Варлаам часто бывал в Москве, участвуя в

церковных соборах, делах общегосударственного значения. Несомненно, здесь он встречался с Федором Крестьянином, находившимся в ту пору на придворной службе, и его учениками – государевыми певчими дьяками [16, 29]. Последние проявляли заинтересованность к «Варламовским» произведениям, переписывая их для себя. Самого Варлаама также не могли не интересоваться распевы столичных мастеров. Этот интерес передался и клирошанам – певчим хоров Кирилло-Белозерского и Соловецкого монастырей, включавших эти распевы в свои рукописные сборники.

В певческих книгах конца XVI–XVII в. встречаются произведения с обозначением авторства Варлаама. Ряд песнопений одного из сборников имеет правку киноварью с указаниями «Правлено с доброво переводу», «По красному все – с Варламовсково» [2, л. 777 об.]. В другом крюковом сборнике среди нескольких распевов стихир «Возыде Бог» находится «Ино знамя Варламово» [22, л. 367–367 об.]. Особое место в творчестве Варлаама занимает своеобразный цикл из трех избранных стихир, исполнявшихся в Крестопоклонную «неделю» (третье воскресенье) Великого поста. Примечательно, что единственный список этого цикла, найден в библиотеке государевых певчих дьяков. Цикл озаглавлен «Стихиры крестные Варламовские» и включает в себя песнопения «Христе Боже наше» (глас 3), «Денесе владыка твари» и «Денесе непреступенным существом» (оба на 8-й глас) [21, л. 80–84.].

На Руси распевы «стихир крестных» прошли определенные этапы развития. Уже в сборниках XII–XIII вв. они были изложены в виде последовательности сложных формул с признаками *«тайнозамкненности»*. На рубеже XV–XVI вв. произошло становление новой версии распевов, на основе которой в последней четверти XVI в. сформировался наиболее устойчивый тип записи данных песнопений. Появление этого варианта было последним этапом перед рождением авторских, разводных версий [см.: 19, с. 87–124].

Творчество Варлаама развивалось в рамках канонического искусства. Он впервые смог изложить «дробным знаменем» сложнейшие лицевые и фитные формулы, которые ранее выпевались по памяти и до него не имели четкого объяснения в музыкально-графической записи. В общей сложности в цикле Варлаам распел 113 формул, что свидетельствует о его обширнейших знаниях теории лицевого и фитного пения. Несомненно, мастер должен был иметь и уникальную память, чтобы раскрыть певцам звучание длительных, доходящих до 80 звуков, разводов фит и лиц. Обладая выдающимся даром музыканта-теоретика, он передал живое дыхание исполнительской практики. В то же время его распев имеет индивидуальные авторские особенности, базирующиеся на применении различных принципов мелодической вариантности (преобразующей, обновляющей)². В Вар-

² Об авторских принципах творчества, напр., см.: 18.

лаамовском распеве разводы тайнозамкнутых формул превосходят по продолжительности аналогичные участки в других певческих версиях. Ему присуща нюансировка деталей, отточенность техники при составлении разводов формул, более тонкое, чем в других распевах согласование текста и напева³. «Стихиры крестные» в распеве Варлаама стали вершиной в эволюционном развитии песнопений. Их можно отнести к произведениям Большого распева [подробнее см.: 19, с. 87–124]. Изучение истории развития графического воплощения стихир с XII в., по существу, дает нам представление о процессе становления стиля Большого знаменного распева.

Другое произведение в распеве Варлаама Рогова – славник «Возыде Бог» – обнаружено в рукописи рубежа XVI–XVII вв. среди пяти других певческих вариантов песнопения. Все распевы стихир различаются между собой и не имеют общих фрагментов. Произведение с обозначением «Ино знамя Варламово» (третье по местоположению) представляет собой частично тайнозамкнутый, частично разводной распев. Привлечение разных вариантов песнопения того же периода позволило установить авторские разводы лицевых и фитных формул. Все это свидетельствует о наполнении распевщиком сложных знамен собственным музыкальным содержанием, о выработке им самостоятельной певческо-интонационной азбуки, что, главным образом, и отличает авторское творчество выдающихся мастеров древнерусского церковно-певческого искусства [напр., см.: 30; 33; 35].

Варлаам (Василий) Рогов оставил заметный след не только в церковной истории, духовной жизни России XVI – начала XVII в., но и в истории русской музыкальной культуры. Как распевщик он способствовал утверждению новых для его времени музыкально-стилистических направлений, таких как Большой распев и троестрочное (трехголосное) пение. Его творчество нашло признание у современников, в том числе у мастеров самого высокого класса – государевых певчих дьяков. Их же наставник Федор Крестьянин полагал, что Варлаам «вельми был муж благоговейн и мудр зело».

Библиографический список

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией имп. Академии Наук. – СПб., 1836. – Т. 1.
2. ГИМ. – Син. певч., № 123.
3. Зверева, С.Г. Мастера пения Кирилло-Белозерского и Соловецкого монастырей XVI – первой половины XVII в. / С.Г. Зверева // Древнерусское искусство: Художественные памятники Русского Севера. – М., 1989. – С. 340–346.
4. Игнатъев, А.А. Краткий обзор крюковых и нотопеиных певчих рукописей Соловецкой библиотеки / А.А. Игнатъев. – Казань, 1910.

³ Об особенностях взаимодействия текста и напева, напр., см.: 15.

5. Никольский, Н.К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. / Н.К. Никольский. – СПб., 1910. – Т. 1. – Ч. 2.
6. Парфентьев, Н.П. Авторство в произведениях распевщика Строгановской школы Ивана (Исайи) Лукошкова (ум. ок. 1621 г.) / Н.П. Парфентьев, Н.В. Парфентьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2008. – Вып. 11. – С. 54–70.
7. Парфентьев, Н.П. Древнерусское певческое искусство в духовной культуре Российского государства XVI–XVII вв.: Школы. Центры. Мастера / Н.П. Парфентьев – Свердловск, 1991. – 236 с.
8. Парфентьев, Н.П. Многолетия в честь царя Михаила Романова в демественных распевах мастеров Усолькой (Строгановской) школы / Н.П. Парфентьев, Н.В. Парфентьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2013. – Вып. 2 – С. 112–115.
9. Парфентьев, Н.П. Об источниках для изучения творчества выдающегося московского мастера-распевщика Федора Крестьянина (ум. ок. 1607) / Н.П. Парфентьев // Наука ЮУрГУ [Электронный ресурс]: материалы 66-й научной конференции. Секции социально-гуманитарных наук. – Челябинск : ЮУрГУ, 2014. – С. 1020–1028.
10. Парфентьева, Н.В. Образно-смысловое содержание цикла «Тропари иорданские» мастера Федора Крестьянина (XVII в.) / Н.В. Парфентьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2008. – Вып. 11. – С. 54–71.
11. Парфентьев, Н.П. О строгановской мастерской книжно-рукописного искусства XVI–XVII вв. / Н.П. Парфентьев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2008. – № 6 (106). – Вып. 10. – С. 43–62.
12. Парфентьев, Н.П. Строгановская школа как выдающееся направление в церковно-певческом искусстве России XVI–XVII вв. / Н.П. Парфентьев, Н.В. Парфентьева // Вестник Уральского отделения РАН. Наука. Общество. Человек. – 2013. – № 2. – С. 105–117.
13. Парфентьева, Н.В. «Ирмосы прибыльные» знаменитого московского распевщика Федора Крестьянина (1606 г.) // Н.В. Парфентьева, Н.П. Парфентьев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2011. – Вып. 17. – С. 78–84.
14. Парфентьева, Н.В. Методологические подходы в изучении теоретических основ творчества выдающегося московского распевщика Федора Крестьянина (ум. ок. 1607 г.) / Н.В. Парфентьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2012. – Вып. 18. – С. 111–120.
15. Парфентьева, Н.В. Методы анализа структурного и образно-смыслового содержания произведений русских распевщиков XVI–XVII вв. / Н.В. Парфентьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2010. – Вып. 14. – С. 47–54.
16. Парфентьева, Н.В. Освоение репертуара мастерами певческой школы Федора Крестьянина на рубеже XVI–XVII вв. / Н.В. Парфентьева, Н.П. Парфентьев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2012. – Вып. 19. – С. 83–90.

17. Парфентьева, Н.В. Певческий цикл «Тропари иорданские» как пример авторского творчества мастера Федора Крестьянина (ум. ок. 1607 г.) / Н.В. Парфентьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2013. – Вып. 2. – С. 103–111.
18. Парфентьева, Н.В. Принципы авторского художественного творчества мастеров древнерусского музыкально-письменного искусства XVI–XVII вв. / Н.В. Парфентьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2008. – № 6 (106). – Вып. 10. – С. 63–73.
19. Парфентьева, Н.В. Творчество мастеров древнерусского певческого искусства XVI–XVII вв. / Н. В. Парфентьева. – Челябинск, 1997. – 340 с.
20. Протопопов, В.В. Ростовский митрополит Варлаам (Рогов) – «знаменному пению распевщик и творец» / В.В. Протопопов // История и культура Ростовской земли : сб. науч. ст. – Ростов, 1995. – С. 143–148.
21. РГАДА. – Ф. 188. – № 1683.
22. РГБ. – Ф. 178. – № 766.
23. РНБ. – Q.I.1101.
24. Савич, А. Соловецкая вотчина в XV–XVII вв. / А. Савич. – Пермь, 1927.
25. Строев, П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви / П.М. Строев. – СПб., 1877.
26. Титов, А.А. Летописец о Ростовских архиереях / А.А. Титов. – СПб., 1890.
27. Ундольский, В.М. Замечания для истории церковного пения в России / В.М. Ундольский. – М., 1846.
28. Чечулин, Н.Д. Города Московского государства в XVI в. / Н.Д. Чечулин. – СПб., 1889.
29. Parfentjev, N.P., About Feodor Krestjanin's creative activity in the 1598–1607 years / N.P. Parfentjev // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2015. – Т. 15. – № 2. – С. 60–70.
30. Parfentjev, N.P. Author's «Alphabets» in Systems of Record of Ancient-Russian Musical-Written Art Products / N.P. Parfentjev // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2009. – V. 2 (2). – Pp. 163–168.
31. Parfentjev, N.P. Basic principles of copyright Creativity in the works Feodor Krestjanin (d. ok. 1607) / N.P. Parfentjev, N.V. Parfentjeva // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2015. – Т. 15. – № 1. – С. 78–91.
32. Parfentjev, N.P. Chanting art's masters at the court of Ivan the Terrible / N.P. Parfentjev // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2015. – Т. 15. – № 1. – С. 67–77.
33. Parfentjev, N.P. On the Structural-Formula Method of Researching Ancient Russian Chants as Musical-Written Art / N.P. Parfentjev, N. V. Parfentjeva // Journal of Siberian Federal University. Humanities & social sciences. – 2008. – V. 1 (3). – Pp. 384–389.
34. Parfentjev, N.P. Reflection of the main directions didaskal Feodor Krest'ianin's creative activity in monuments of writing XVI–XVII centuries / N.P. Parfentjev // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2013. – V. 10. – Pp. 1423–1432.

Наука ЮУрГУ: материалы 67-й научной конференции
Секции социально-гуманитарных наук

35. Parfentjev, N.P. Textkritische Strukturformelmethode und ihre Anwendung bei der Dekodierung und Analyse der Autorenwerke in der altrussischen Monodie / N.P. Parfentjev // Theorie und Geschichte der Monodie. – Bericht der Internationalen Tagung, Wien 2012. – Band 2. – Brno, 2014. – P. 693–707.